

Андрей Николаевич
Ларионов

Мир лазури

Андрей Ларионов

Мир лазури

«Издательские решения»

Ларионов А. Н.

Мир лазури / А. Н. Ларионов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859004-7

Гури был избран, чтобы спасти людей. Однако ему предстоит много пережить в этом мире, чтобы привести людей к спасению. И путешественникам приходится пройти долгий путь к спасению.

ISBN 978-5-44-859004-7

© Ларионов А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Пленники	7
Глава 2. Гури	10
Глава 3. Сезон штормов	12
Глава 4. На поиски колыхающей лазури	15
Глава 5. Испытание огнем и мечом	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

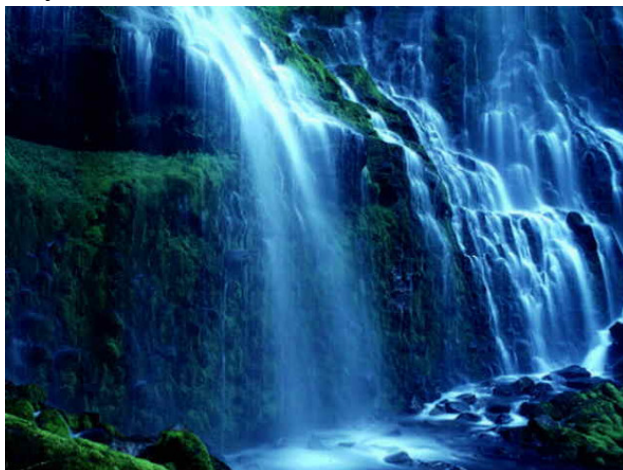
Мир лазури

Андрей Николаевич Ларионов

© Андрей Николаевич Ларионов, 2017

ISBN 978-5-4485-9004-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Протяни свою руку навстречу этому свету, ты ощутишь прикосновение
к тому далекому и прекрасному миру»

Пролог Мечта

Бледный жидкий свет из окна,
Льется мне прямо в глаза,
Лоскуток лазурного неба вижу я,
О свободе сердцем скорбя.

Холодный, почти ледящий металл,
Постоянно меня окружал,
И свободы на годы лишал,
И я в печали в темнице лежал,

Горькие слезы я проливал,
И все равно постоянно мечтал,
Мечтал опять залезть в сеновал,
Вспоминал, как по траве босиком бежал,

Гремят тяжелые запоры,
Слышатся тяжкие стоны,
Больно всем от несвободы,
Пленников держат затворы,

Но однажды старик мне рассказал,
Про мир, где я никогда не бывал,
Безграничное небо он мне показал,
Новый путь для души указал.

Глава 1. Пленники

Город Царей.

Темница.

...Гури слегка приоткрыл глаза, после еще одной долгой и тревожной ночи. Руки и ноги по-прежнему, сковывали холодные оковы. Молодой человек хотел привстать, но сил почти не было. Первое, что четко он увидел – это было испуганное лицо Айдора.

– Мой мальчик, с тобой все в порядке? Ты долго болел, – сказал старик.

– Да, – слабым голосом ответил юноша.

Глядя на тусклый синеватый свет, исходящий из маленького зарешеченного окошечка темницы, он попытался вспомнить то, что видел в своих длинных снах.

Айдор по-отечески гладил его по голове своей худощавой рукой.

– Знаешь, что я видел в своих снах? – со слабой улыбкой на лице прошептал Гури.

– Знаю, знаю, – сказал жрец ему в ответ. – Если я вижу на твоём лице улыбку, это значит, сны были об прекрасном. Это то, что дает тебе жить, несмотря на многолетнее заключение в этом темном месте. Я уже старый, прожил много веков на этой земле, выполнил в этой жизни все что хотел. Ты же еще молод, ничего не видел кроме этих серых стен темницы, тусклого света и клочка неба, которое видно через зарешеченное окно.

– Не знаю, мне кажется, я скоро умру, – печально предположил Гури. – В этом месте мы ослабеваем от недоедания, болезней, неподвижности. Эта участь постигла многих узников этой башни, так что я буду не первый и не последний. Я чувствую, что с каждым днем слабею, жизнь для меня – это лишь череда серых однообразных дней и темных ночей.

Старый жрец сочувственно посмотрел на молодого человека.

– Нет, я верю, придет скоро время, когда мы вырвемся из этого плена. Ты сможешь попасть в мир лазурного неба. А я, вырвавшись из этого темного места, смогу с чистой совестью умереть.

– Что это за мир? Расскажи мне о нем, – попросил Гури старика.

На какое-то время их разговор был прерван, чьими-то шагами в коридоре. Затем дверь в темницу приоткрылась, свет от факела осветил пленников. Появился знакомый силуэт дворцовой служанки Сельвы. Она принесла им скудный обед.

– Спасибо, Сельва, – срывающимся и скрипучим голосом произнес старый жрец.

Девушка в ответ молча кивнула головой, в ее глазах можно было прочесть сочувствие. Когда служанка ушла, к ним в маленькую тюрьму вошел массивный стражник.

– Завтра вас на рассвете казнят, – с расстановкой прохрипел грубым голосом он.

– Казнят? – вопрос завис на устах у Гури.

Дубовая дверь вновь захлопнулась, а вместе с этим как бы исчезла последняя надежда на освобождение. В эту минуту молодой человек, вдруг, почувствовал себя еще больше беспомощным и бессильным противостоять ходу развития жизни, в руках которой он был марионеткой. Кто-то решил, что им нужно было умереть завтра на рассвете, и это почти становилось судьбой.

Глядя на отрешенного от жизни молодого пленника, Айдор заплакал. Его старческие глаза заслезились.

– Мне жалко тебя Гури. Ты еще совсем молод, – его голос стал еще более срывающимся и прерывистым.

– Не будем об этом, – прервал его Гури, – нам обоим еще хочется жить. Расскажи мне о мире лазурного неба.

– Хорошо, – таинственно начал говорить старый жрец.

По его изнеможенным морщинистым щекам бежали слезы.

Старик протянул руку навстречу проникающему слабому свету из окна. —

«Этот мир находится очень далеко отсюда, но мы можем увидеть его, даже будучи заключенными, в этой башне. Протяни свою руку навстречу этому свету, ты ощутишь прикосновение к тому далекому и прекрасному миру. Дай волю своей мечте».

Гури доверчиво протянул руку. Ничего. Синеватый свет продолжался литься на заключенного. Неожиданно человек ощутил слабое тепло, возникшее на ладонке. Свет словно стал наполнять эту невзрачную темницу. Границы тюремных стен медленно стали раздвигаться, а затем и вовсе исчезли в синеве пространства. Теплый синеватый свет превратился в яркий солнечный. Ощущение неизмеримого счастья и свободы обрушились на молодого человека впервые.

«Ты ощущаешь этот мир?» — откуда-то донесся голос старика.

«Да», — с восхищением произнес Гури.

Когда же молодой узник посмотрел на это небо, то сразу же понял, почему этот мир назывался миром лазурного неба. Безграничное небесное пространство было воплощением любой мечты человека. Это был действительно тот мир, в котором желал бы жить всякий человек.

Если в обычном мире существовал один горизонт, то здесь, в этом мире их было много, каждый из них скрывал за собой новую грань счастья.

Исчез, а точнее растворился этот мир, как рассеивается неверный тусклый свет, теряясь в общем, мраке. Находясь опять в темном месте, закованный в кандалы, Гури еще продолжал удерживать свою руку, подставляя ее проникающему в темницу свету.

— Все исчезло, — с разочарованием произнес молодой человек.

— Да, видения мимолетны, — сообщил ему Айдор.

Гури еще раз посмотрел на окошечко темниц. В нем он увидел кусочек неба, чем-то отдаленно напоминающий то безграничное небо колыхающейся лазури.

«Завтра нас казнят, — осторожно начал старик. — Ты готов умереть?»

— Я не знаю, — почти с отчаянием в голосе ответил он.

Жрец на какое-то время замолчал, поглаживая свою белую бороду, а затем сказал: «Мальчик мой, жизнь всегда прекрасна, какой бы она ни была. Даже здесь, сидя много лет в этом заточении, мы продолжаем жить, потому что любим жизнь».

— Нет, я не люблю жизнь, — коротко отрезал молодой человек.

— Это не так. Я знаю, что ты желал бы жить свободным, особенно в мире лазурного неба. Каждый человек имеет в своей душе частичку мечты, которая связана с чем-то хорошим и светлым.

Даже в полумраке можно было заметить, как глаза молодого узника заблестели, по грязным и худым щекам потекли слезы. Поправляя свои рубища, он признался старику.

— Хорошо, я скажу, о чем мечтал все эти годы, живя в этом темном месте, в маленькой напитанной сыростью темнице. Я мечтал о теплом солнце, о том, чтобы хотя бы еще раз пробежаться по росной траве босиком, о свободной жизни, где не будет меня сковывать оковы железа. Я желал жить далеко — далеко от этого места, где нет ни притеснения, ни рабства, где царит любовь, свобода, мечта. Слыша постоянные стоны, вздохи заключенных в этой башне, я желал подарить людям мечту и счастье. Искрящееся, как кристалл, счастье, которое бы объединило бы угнетенных людей. — Гури замолчал.

Оба на какое-то время молчали. Слышны, стали сдавленные крики о помощи старого слепого музыканта, находящегося в камере этажом ниже.

«Гури, я хотел подготовить тебя к смерти. Мы не знаем, какая казнь ожидает нас с тобой. Нас с тобой могут просто казнить на площади публики в городе Царей, могут бросить на растерзание плотоядным животным, либо мы можем умереть в темном дворце ненасытных вампиров. Во всяком случае, ты не должен бояться смерти, должен достойно смотреть смерти в глаза. После нее ты попадешь в нефалимовые рощи, где будешь жить призраком, — старый

жрец старался говорить успокаивающее. – Если ты при жизни вел себя достойно, то из страны нефалимовых роц ты сможешь перейти в мир лазурного неба».

– Да?! – удивился Гури.

– Однако у меня есть надежда совершить побег из этой темницы, – добавил ко всему вышесказанному жрец.

– Это невозможно. Эта башня хорошо охраняется, нам не убежать. А если даже мы и убежим, то просто не хватит сил. Мы ослабли.

– Мы не будем убегать. За много лет заключения, я копил в себе волшебную силу. С ее помощью мы можем попытаться вырваться из плена.

– Да?! – опять удивился молодой человек.

Солнце стало скрываться за горизонтом. Небо окрасилось в алые цвета. Вечерняя тьма медленно напознала на город Царей. Широкие улицы города стали безлюдными.

Однако ничего этого не видели двое заключенных в башне, сидя в своем заточении. Старый жрец напряженно сидел и молчал. Гури погрузился в полудрем, его опять слегка лихорадило, температура поднялась. Почти в бреду, касаясь ладонью неровных и холодных стен темницы, он отсчитывал каждую минуту уходящего дня, думал о том, что может ожидать его на свободе.

Момент освобождения пришел к ним с появлением в их темнице пожелтевшего листочка, занесенного ветром к ним через окошечко с железными прутьями.

– Наконец-то, – прошептал Айдор.

Закрыв глаза, он стал шептать заклинания. А Гури смотрел на жухлый листочек, затем прикоснулся к нему. Он вдруг увидел всю жизнь этого растения. Этот листочек, гонимый ветром проделал огромный путь с юга, теперь он очутился здесь в этом темном месте.

Сначала призрачный, а через несколько минут, уже непроницаемый белый туман обволок всю мрачную темницу. «Айдор», – позвал старика молодой человек, не различая в тумане даже самого себя. В ответ он лишь услышал фразу: «... и погибающая жизнь даст свободную новую жизнь».

Когда же все рассеялось, молодой человек увидел над собой чистое небо, кружащихся в высоте птиц. Солнце уже скрылось за горизонтом, ночь неторопливо приходила в степь. Гури полной грудью вобрал воздух, пропитанный запахом пожухлой травы. Неумело он заковылял среди высокой травы, отвык от свободной жизни. Распростерши свои руки, ладонями бывший узник прикасался к растениям.

«Где же Айдор?» – с легкой тревогой подумал Гури, ища его глазами повсюду. Несмотря на, все еще ощущающуюся слабость в теле и легкий озноб, молодой человек в этот момент был счастлив. Еще раз, посмотрев на небо, ему вдруг почудились там, в синей высоте умные и добрые глаза Айдора. «Неужели он в действительности умер, или же просто растворился вместе с этим туманом, чтобы дать свободу мне?!» – уже сокрушенно стал размышлять молодой человек. Но ответов на эти вопросы никто уже не мог дать.

Степь, погруженная в сумрак, была наполнена звуками сверчков. Слушая их стрекотание, Гури вдруг осознал какую цену, заплатил старик за его свободу. Понимание этого вызвало на его глазах слезы. Он потерял еще одного по-настоящему близкого человека, который заменил ему отца в годы заточения в темном месте.

Глава 2. Гури

Это стало для него еще одним ударом, еще очередной раной в сердце, которая на много лет оставляет свой след. Первым таким ударом для него был – смерть матери. Тогда он был еще совсем маленьким мальчиком, для которого весь мир заключался в теплых солнечных днях наполненных беззаботностью и детским счастьем. Однако ничто не вечно. Счастье хрупко как стеклянная ваза, или как капля росы на травинке.

Обычное солнечное утро не предвещало беды для юного Гури. По привычке он, проснувшись, открыл окно, впуская в свою комнату солнечные лучи. Затем мальчик выпрыгнул из окна и босиком отправился бежать в пестрый луг, где его ожидали сверстники.

Однако в этот день, вернувшись обратно в свою хижину, Гури заметил скопившихся односельчан. С интересом мальчик торопливо направился к дому.

«Матерь твоа умерла!» – сообщил ему кто-то из толпы. Гури не поверил своим ушам. А когда вошел в хижину, то увидел мать. Она лежала на лавке бледная и спокойная, сложив руки на груди, совсем не похожая на себя при жизни. В горле у мальчика заклокотало, сердце сжалось. Слезы хлынули из глаз ручьем. «Мама!» – выпалил Гури, все еще не веря всему этому. Как ошалелый он взял ее за руку, стал ее тормошить, словно она спала.

«Спокойно, Гури», – старался его кто-то утешить. Но мальчик не мог успокоиться, он громко плакал, все время повторял одно самое простое слово – мама. В этот минуту ему казалось, что весь этот мир был несправедлив к нему. Приветливые лучи солнца, проникающие в окно, не дарили ему привычного чувства радости и счастья.

Даже после похорон матери он все еще не до конца верил в это. Ему казалось, что пройдет еще совсем не много время и все вернется назад. И снова его мать будет звать зычным голосом, когда он будет гулять по лугу, снова увидит ее улыбающееся лицо.

Гури подолгу прятался от всех в старом хлеву, сидел на душистом сене. Слушал тихое воркование голубей на крыше. Наблюдал за пылинками, искрящимися под лучами солнца, которые проникали через щели досок. Ожидание прихода того старого прошлого томило его, заставляло углубляться в себя. Вместо привычного радушия и жизнерадостности он приобретал черты замкнутости и молчаливости. Теперь друзьями его стали птицы, что жили на крыше, большой черный жук, обосновавшийся в сыром углу хлева.

Именно сидя здесь в этом любимом месте, в этой тишине рождались для него простые истины. Он, столкнувшись с новой гранью жизни (с ее особенностью – непостоянством), теперь осмысливал ее по-новому.

«Гури, пойдем с нами. Сегодня хороший солнечный день», – звали его сверстники, когда он опять забирался в хлев. Юркие детские глазки наблюдали за ним через щели, а Гури лишь упрямо молчал, рассматривал устланный соломой пол деревянного строения. Он хотел освободиться от навалившегося на него детского горя. Однако он еще не знал, что это было лишь начало его тернистого пути.

Несколько недель спустя в его селение пришла новая беда. Двое всадников прискакавшие из города Царей объявили о новом указе царя. Новые налоги от нового царя вызвали ярость у селян. Похоже, было на то, что их просто хотели ограбить без всякого шанса на дальнейшее выживание. Поэтому деревенские жители взбунтовались, во главе которых встал отец Гури. Сборщики налогов были ограблены сами.

Расплата за неповиновение была суровой. Жители селения хотели уйти от гнева царя, готовились к переселению на малообитаемый восток страны, но их опередили. Рыцари в железных доспехах вторглись в их деревню. Убивали всех, кто не покорялся, сжигали все постройки. Отца Гури заключили в кандалы, а вместе с ним и его сына – Гури. Так Гури оказался в городе Царей, заключенным в башне. Расставаясь с отцом, мальчик опять также безудержно плакал, понимал, что теряет еще одного близкого человека.

«Помни Гури, ты свободный человек!» – говорил ему на прощание отец. После этого он его больше так и не видал.

Темница – стала очередным испытанием для него. Но, живя много лет в этом заточении, он в душе верил в чудо. Гури жил в ожидании нового солнечного утра, которое изменит его жизнь, сделает его жизнь лучше, шире, грандиознее. Однако каждый раз, когда он просыпался, то видел лишь серые стены камеры, старого Айдора заключенного в цепи. И вновь его надежда на новое солнечное утро не умирала, а лишь переносилось до следующего утра...

Взрослея среди этих каменных стен, у него было много время на размышление, на мечту. Рассказы Айдора о колыхающейся лазури стали воплощением его мечты, мечты на лучшее будущее, мечты на вечную жизнь. Новая реальность – мир колыхающейся лазури стал еще ближе и притягательнее с освобождением из тюрьмы в городе Царей.

Но только вновь он был один, лишившись друга и второго отца – Айдора. Именно теперь Гури для себя решил бороться со злом и несправедливостью, защищать слабого и угнетенного, дать мечту каждому достойному человеку.

Глава 3. Сезон штормов

Спустя несколько лет.
Море кризисов.

Небо было затянуто свинцовыми тучами, которые сгущались с каждой минутой. И хотя в море еще царила тишина и спокойствие, ощущалось, что совсем скоро грянет буря. Казалось, сама природа стягивает свои силы со всего света для битвы с маленькой галерой затерявшейся в этой опасной водной стихии. Глухие ревы исполинских чудовищ раздавались громче, которые тоже чувствовали приближение шторма. Взмахивая своими гигантскими плавниками, существа выныривали на поверхность воды. Усиливающийся ветер срывал паруса корабля, вздымал огромные темные воды моря.

Еще пару минут, и небо пронзилось первыми извилистыми молниями. Почти неземной свет на мгновения озарял окружающий мир и вновь растворялся во мраке. Рев моря смешался с воплями подводных монстров, с пением сирен. Начинался шторм.

Люди на корабле с ужасом наблюдали за природной стихией. Они были уже готовы к этому шторму, оставалось только ждать и надеяться на чудо. Словно щепка, галера плыла гонимая ветром. Капитан, изрыгая проклятия, заставлял моряков отчерпывать воду, которая обрушивалась прямо на палубу.

Барвин сидел, как и остальные рабы в темном трюме. По угрожающему гулу моря он легко догадался, что разыгрался опасный шторм. Корабль весь трещал, скрипел под ударами безумных волн. Но это было время отдыха для рабов. До этого несколько дней подряд они налегали на весла, получали удары кнута от надсмотрщика. Тогда был штиль, в отличие от разыгравшейся сегодня вечером бури. Теперь он мог просто думать о том, что совсем недавно окружало его и дочь. Легкая тошнота от качки дала о себе опять знать.

Охрипшие крики надсмотрщика вывели его состояния задумчивости. Вода прибывала в трюме. Расталкивая плавающие в воде предметы, высокий моряк со свирепым загорелым лицом и крутыми скулами, приказал рабам отчерпывать воду. На какое-то время борьба за выживание сплотила и рабов, и рабовладельцев. Но и в работе Барвин постоянно думал о прошлом, о своей дочке, которая была также на этом корабле.

Какой-то старый раб с белой бородой стал рассказывать другим вполголоса о море кризисов. Вначале, Барвин не прислушивался к этой морской легенде безумного старика с выцветшими глазами, включенными волосами и худым истощенным телом, но затем это его заинтересовало. Постепенно его голос становился все более взволнованным и громким. Он повествовал о человеке, который искал свободу, смысл в этой жизни. Другие рабы слушали, старались развеяться от тяжелых и мрачных дум, которые не покидали после порабощения. Мысль о свободе была живительной и притягательной для каждого из них.

– Он искал свободу, мечту именно в этом море, на острове счастья...

Договорить ему не дал надсмотрщик.

– За работу раб, – зло предупредил моряк, – иначе, тебя ждет суровое наказание.

Все замолчали. В темноте они отчерпывали воду, передавали друг другу сосуды, заполненные водой. Барвин опять погрузился в некоторое оцепенение, равнодушно и безучастно выполнял монотонную работу. Его дочка была единственным ребенком на этом рабовладельческом корабле. Она не была гребцом, но была также закована в цепи, находилось где-то в носовой части галеры.

Неожиданно в реве моря рабы отчетливо слышали пение сирен. Это было слышно даже здесь в трюме. Казалось, эти звуки не сливались ни с чем. Это было пение о любви, свободе, о море и многом другом, что будоражит сознание любого человека. Одурманенные этим странным пением некоторые из рабов прекращали работу, старались вырваться из оков железа. Ни кнут надсмотрщиков, ни окрики капитана не имели успеха. Буквально несколько минут спустя, пара матросов тоже обезумели. Пытались кинуться в море, но их товарищи напросто связали.

– Началось, – несколько торжественно произнес раб с белой бородой.

Барвин посмотрел на него. Тот сидел рядом с ним и пронзительно смотрел на него своими тускло голубыми полубезумными глазами.

– Что началось? – осторожно спросил его отец маленькой девочки.

– Ты что не видишь. Это пение сирен, оно погубило ни один корабль в этом море. Много путешественников, моряков, рабов уже покоятся на дне в темных водах. Это море кризисов, которое кишит всякими чудовищами, утопленниками, исполинскими рыбами. И притом начинается сезон штормов. Вероятность того, что мы выживем, ничтожно мала. Моли своего Бога, чтобы он дал шанс жизни нам.

– Если бы я был один, то я лучше бы предпочел умереть в этих водах, чем стать рабом. Но я не один, со мной дочка. Я единственный человек, который остался у нее в этом мире, – негромко произнес Барвин, обращаясь больше не к старику, а просто произнося свои мысли вслух.

Еще один шквал сильно и резко накренил всю галеру. Люди, не ожидавшие такого толчка, повалились в левую часть корабля. Барвин неловко упал, по голове что-то ударило тяжелое. В глазах потемнело.

Знакомые очертания его родного берега, лица тех, кого он знал раньше в той свободной жизни, смутные воспоминания проплывали целой вереницей. Что-то не давало ему покоя. Ощущение переживания за кого-то приводило его почти в ужас. Звуки моря смешались с непонятным гонгом, отчего голова сильно болела и раскалывалась. Наконец, все видения стали рассеиваться, остался лишь пустой жидкий свет, который пробивался к нему в сознание. Мужчина слышал чьи-то голоса. Может быть, это была речь близких людей, которых он потерял в тот свой первый день рабства, а возможно, что все это было лишь плодом воображения человека.

Холодная вода из ведра, которую вылил на него моряк, привела его в себя. Ощущая соленый привкус на губах, Барвин медленно приоткрыл глаза. Солнечный свет пробивался сквозь щели сюда в трюм. В душе у человека на какой-то момент шевельнулось чувство радости жизни. Он снова был жив. Но для чего? Чтобы быть рабом? Сразу же отогнав от себя эти мысли, Барвин подумал о своей дочери.

Медленно приподнимаясь с деревянного пола, раб стал оглядываться. Мерный скрип весел, потные спины людей говорили о том, что они опять плыли. Опять все то же самое. Рабство.

– Где моя дочь? – выдавил из себя глухим не своим голосом Барвин.

– Там, – небрежно ответил моряк. – Вставай, за работу.

Мужчина потрогал свою голову, она была почти вся покрыта липкой кровью. Рядом сидевший раб озадаченно посмотрел на пострадавшего.

– Сколько времени я был без сознания?

– Несколько дней. Все время пока бушевал шторм, – констатировал другой раб.

Сжимая в руках весло, Барвин стал грести, помогая соседу. Опять серые и безрадостные мысли окутали его сознание. В душе он мечтал о побеге.

После однообразной двухчасовой и изнуряющей работы, надсмотрщик приказал рабам остановиться, убрать весла. Они прибыли в неизвестный портовый город. Оживленный шум на палубе, крики капитана, говорили о том, что корабль готовится к чему-то важному. Незамедлительно трое моряков и один торговец, спустились в трюм, поочередно стали поднимать пленников наверх.

Барвину чудом удалось очутиться рядом с дочкой. Когда он поднялся на палубу, то увидел, на песчаном берегу портовый город. Солнце было уже высоко. Наконец-то, многодневная буря, которая едва не потопила галеру, успокоилась.

Глава 4. На поиски колыхающей лазури

Город Поморье. Гавань.

И все же шумливое море было беспокойно сегодня, хотя небо было чистым, синим и лишенным облаков. Жаркое солнце немилосердно палило. Этот маленький порт, расположенный в тихой бухточке, был оживлен в этот день. Галера, прибывшая с отдаленной части материка, была наполнена ценными товарами, которые охотно были покупаемы местными богатыми людьми. Кроме предметов роскоши и удивительной утвари, моряки и торговцы привезли сюда, рабов. Рослых и загорелых людей расположили на берегу моря, закованных в кандалы. Потенциальные покупатели внимательно осматривали заключенных людей, словно они были обычный товар. Подолгу торговались с моряками, пытаясь сбить цену на рабов, меха и драгоценности.

Шум прибоя, соленый запах моря, свежий ветер вывел Барвина из некоего оцепенения, в котором он находился во время всего морского путешествия. Его маленькая дочка выглядела плохо. Мужчина хотел наклониться к ней, но получил жестокий удар от рабовладельца.

– Все хорошо, я с тобой, – вполголоса утешил ее отец.

У девочки уголки рта едва дрогнули. Было непонятно, хочет она улыбнуться или заплакать. За многодневное пребывание в темном трюме галеры ее светлые локоны волос стали грязными. Загорелое личико ребенка выглядело исхудавшим и изнеможенным.

Обливаясь потом, Барвин стал прислушиваться к разговорам покупателей, моряков и торговцев. Торговля была оживленной. Множество людей сновали по песчаному берегу, около корабля. Судя по наречию этих людей, он мог предполагать, что находится в южной части материка. Кто-то принес им попить холодной воды в глиняном сосуде. Отец дал воды своей дочке. После сам с наслаждением стал поглощать эту живительную влагу. В голове у него постоянно вертелась мысль о побеге, который был пока почти нереален.

– Сколько стоит этот человек? – неожиданно спросил молодой мужчина с темной бородой, теплыми и добрыми глазами, у его поработителя.

Жирный торговец, сидевший до этого в тени пальмы, оживился, подошел к ним.

– Всего тридцать золотых монет, – с неприятной улыбкой на лице произнес работорговец.

Небритая борода у него заплывала жиром. Почти с ненавистью Барвин посмотрел на покупателя, а затем на торговца.

– А ребенок сколько стоит? Это его дочка? – опять спросил мужчина, в багряном плаще, в чистой рубашке и широких бархатных штанах.

Непродолжительное время торговец молчал, осматривал, в каком состоянии находится девочка. Аппетитно поглощая куриный окорок, он что-то пробормотал. Стал грубо лапать ребенка.

– Не смей ее трогать! – взревел Барвин, неловко бросаясь на работорговца.

– А ты отвратительный вонючий раб, еще смеешь тут сопротивляться, – заорал в ответ работорговец.

Двое моряков немилосердно стали бить розгой провинившегося раба. Девочка заплакала.

– Хватит! – почти закричал покупатель. – Я куплю их обоих.

Барвин с кровоточащей спиной сидел на горячем песке. Мысль о свободе была единственной у него.

– Пятьдесят золотых! – уже успокаиваясь, произнес торговец.

Молча, мужчина отчитал деньги и отдал их продавцу людьми. Затем они отошли в тень пышных растений. Вначале их новый хозяин молча разглядывал Барвина, его дочку. Затем он стал его расспрашивать.

– Ты понимаешь мою речь? – спросил его покупатель.

– Да, – угрюмо ответил раб.

– Хорошо. Я купил вас, чтобы подарить вам свободу. Но сначала я должен тебе рассказать о себе, о колыхающейся лазури.

Голос его звучал успокаивающее на пленников.

– Меня зовут Гури. А тебя как?

– Барвин. Дочку зовут Пальмира.

– Хорошо, Барвин, обещаю тебе, что когда я отпущу тебя, ты не причинишь никому вреда, не убежишь. Ты будешь, свободен, но сначала послушай меня.

Раб почувствовал к этому человеку чувство благодарности, ему можно было доверять. Он не был похож на других. Казалось, глаза Гури светились какой-то необычной теплотой.

Через минуту руки и ноги Барвина и его ребенка были освобождены от оков. Изумленные прохожие с опаской поглядывали на богатого чудака Гури.

– Я хочу показать тебе мир лазурного неба. Для этого достаточно протянуть свою руку навстречу свету, солнцу.

Барвин неуверенно протянул свою руку солнечному свету.

– Малышка! Протяни свою руку тоже, – попросил человек в багряном плаще, обращаясь к Пальмире.

Реальность рассеялась, отдавая место видению. Новые впечатления ошеломили Барвина. Мир мечты предстал в полной красе перед истомившимися двумя людьми.

Ощущение свободы, легкости, беззаботности охватили мужчину и ребенка.

– Как здесь хорошо! – воскликнула девочка.

– Я предлагаю вам вместе со мной найти этот мир. В нем нет смерти, страха, болезней, – оживленно с улыбкой на лице убеждал их Гури.

– Хорошее предложение, но мне нужно подумать, – ответил Барвин, когда все опять исчезло.

Гури и его новые друзья проследовали в большую залу, по середине которой располагалась статуя человека льющего воду из кувшина на землю, а стены и потолок были поистине роскошны. Помещение имело много окон, одно отверстие располагалось в узорном потолке. Через него можно было видеть небо. Лучи высоко поднявшегося солнца освещали каменное изваяние водолея.

– Это все твой дом? – с неподдельным удивлением спросил его Барвин.

– Да. Садитесь, пожалуйста, – указывая рукой на удобные диваны, гостеприимно пригласил Гури.

Девочка чувствовала себя немного неуютно в таких просторных хоромах. Две служанки принесли им освежающие напитки, так как день был жарким.

– Ты из знатного рода? – спросил первый Барвин.

– Отнюдь нет. Я родился в маленькой деревушке, в семье крестьянина. Однако в силу сложившихся обстоятельств я лишился семьи, несколько лет томился в тюрьме города Царей из-за бунта в деревне, будучи еще отроком. Затем мне помог бежать из тюрьмы Айдор – волшебник и жрец. Опасаясь преследователей, я направился в приморский город – Поморье, то есть сюда. Рассказывая хорошему богатому человеку про прекрасный мир лазури, я получил его благоволение. Мы даже решили с ним, что отправимся в это путешествие на поиски мира колыхающейся лазури. Однако он скоропостижно скончался, оставив мне все имение в наследство.

Барвин внимательно слушал его, затем начал повествовать ему свою жизнь.

– Я родился в северной части континента, в стране Зинских лесов и темных болот. Попал я в рабство в результате варварского нападения моряков на наше селение. Моя жена... – последних слов Барвин недоговорил, замолчал.

Его горло болезненно сжалось, но мужчина сдержался, не дал волю слезам. Он просто был обязан быть сильным и жизнеутверждающим для своей дочери Пальмиры, которая теперь стала сиротой.

– Иди, поиграй, – предложил девочке Гури, видя сложившуюся неловкую ситуацию.

Догадливая служанка позвала девочку, дала ей в руки большую рукодельную игрушку. Ребенок побежал по террасе с куклой на первый этаж. В разговоре мужчин на какое-то время наступила пауза. Затем Барвин продолжил.

– Они убили ее только за то, что она сопротивлялась, защищала дочку. Как бы я хотел, чтобы я оказался на ее месте, – бывший раб судорожно отхлебнул напиток из изящного позолоченного сосуда.

– Понимаю, – печально сказал Гури.

– Я никогда не прощу себе этого. Она была очень хорошей женщиной. Но она умерла от рук бандитов, которые, похоже, не считают северных жителей за людей. Видят в нас только рабов, – с гневом на лице произнес Барвин.

Его темное загорелое лицо сейчас казалось уставшим. Его руки невольно сжались в кулаки.

«Не стоит отвечать злом на зло, – успокоил его хозяин роскошного дома, – Если твоя жена была хорошим человеком, то она сейчас уже гуляет в Нефалимовых рощах, прохлаждается под кронами высоких деревьев. А может быть, даже живет в мире колыхающейся лазури».

Оба они замолчали.

– Да ты прав, – уже задумчиво произнес мужчина.

– Я знал, что ты из тех людей, которые по-настоящему достойны мира колыхающейся лазури. Ты прошел испытания, трудности. На твоем лице виден отпечаток мудрости и добра. Эта жизнь не обозлила тебя. Тот мир не терпит зла, лжи, несправедливости, поэтому немногие могут попасть туда. В отличие от нашего мира, в котором мы все живем. А людей, которые не тяготеют к нравам этого человеческого мира, мало. Почти все отягощены различными пороками. Одни упиваются вином, другие ведут разбойную бесчестную жизнь, третьи увлекаемые своей похотью, предаются разврату тела и души, – затем Гури замолчал.

Встал, подошел к окну. Там был виден двор, гарем. Со стороны гарема доносился громкий женский визг, хохот мужчин. Наложницы в блестящих одеждах исполняли танец, совершали соблазняющие телодвижения.

– Им мир колыхающейся лазури точно не нужен. Они счастливы, живя такой жизнью. Тебе и твоему ребенку он нужен? – прямо спросил Гури, после недолгого лицезрения пейзажа раскинувшегося за окном.

– Да! – выдохнул Барвин.

Мужчина в красном плаще улыбнулся.

– Тогда в путь на поиски колыхающейся лазури.

Глава 5. Испытание огнем и мечом

Южная область материка.
Равнины.

Путешествие не стали откладывать в долгий ящик. После недолгих сборов они были готовы к отправке. Почти все свое состояние Гури раздал нищим и бедным, выкупил всех рабов, которых привезли в этот день моряки и торговцы. Закупив оружие, пищу и все необходимое для путешествия, втроем они отправились навстречу испытаниям и трудностям.

Первые два дня пилигримы шли по дорогам, которые связывали многочисленные города, селения. А потом начались зеленые безопасные леса и богатые пищей степи. Только смелые лани и маленькие эльфы были их спутниками в путешествии.

Солнечные долины

Трое людей, еще издали заметили, что селение необычайно безлюдно. Темные клубы дыма поднимались в небо, скрывая от людей синеву. Полуразрушенные, дымящиеся строения были следствием побоища. Мертвые тела жителей этой деревни, лежали повсюду. Некоторые из них умерли в борьбе, а другие лишь беззащитно позволили убийцам лишить их жизни.

Барвин постарался прикрыть глаза дочке своей рукой, чтобы ребенок не видел этого ужасного зрелища. Гури с мрачным лицом подошел к плетеной ограде одного из дворов. Там во дворе, возле порога дома, лежал мертвый крепкий мужчина, лицом обращенный вверх. Живот его был вспорот чем-то острым, сизые органы еще пульсировали. Гури невольно содрогнулся от этого зрелища и бессмысленной жестокости людей. В руках он еще сжимал серп, которым хотел защитить себя. А может быть еще кого-то? Путешественник осторожно приоткрыл калитку. Этот дом чудом уцелел, хотя огонь, перебравшийся по ограде от соседнего строения и стогу сена, угрожал перекинуться и на эту хату.

Гури заглянул в дом. Вначале в сумраке он ничего не увидел, кроме лучины, которая догорала на грубом и большом столе. В дальнем углу послышался сдавленный стон. Мужчина замер вслушивался, определяя источник звука. Пройдя шага два, он разглядел лежащую на полу растрепанную черноволосую женщину. Разорванная одежда, уже не могла прикрыть ее наготу. Гури сразу понял, что кто-то жестоко глумился над ней. Заметив незнакомца, глаза женщины испуганно заблестели, слабым движением она попыталась дотянуться до острого предмета, который лежал в шагах трех от нее, около маленького окна. Путешественник попытался успокоить ее.

– Я не причиню вреда. Я пришел помочь тебе.

Недалеко, вдоль окна, располагались корзины внушительных размеров, видимо сплетенные хозяевами этого жилища. Оттуда донесся детский плач. Гури поспешно прошел туда, отбросил прикрывавшие корзины тряпки. Две пары черных испуганных глаз устремились на него. Путешественник слегка улыбнулся им. Дети замолчали, боялись шелохнуться, сидя в своих убежищах.

– Оставь их. Бери меня, делай что хочешь, – вырвались слова из груди матери.

Отчаяние и отрешенность читалась на ее красивом загорелом лице.

– Я хочу вам помочь. Нужно всем выбираться из дома, его скоро охватит огонь, – убедительно проговорил мужчина, пытаясь заставить всех поверить в искренности своих намерений.

– Что там у тебя, Гури? – донесся снаружи голос Барвина.

– Иди сюда помоги, здесь еще есть живые люди.

Двое детей робко стали выбираться из корзин. Первым делом они подбежали к лежащей на полу женщине.

– Мама, мама! – восклицали они.

В их голосах чувствовался и страх, и волнение, после того, что они пережили.

– На выход дети. Я помогу вашей матери, – поднимая на руки обессилившее тело женщины, сказал мужчина.

Она, похоже, уже доверяла больше. В воздухе уже ощущался запах гари смешанный с запахом крови. Барвин подхватил двоих детей на руки. Быстрыми шагами он покинул двор с ужасным зрелищем. Гури следовал за ним, держа на руках крестьянку. Женщина заметила мертвого мужчину у порога с серпом в руках. Всклипывая, она что-то прошептала, скорее всего, имя того человека. Путешественники не допытывались до пострадавших, не старались завести с ними разговора, давали им время прийти в себя. Похоже, было, что мать с двумя детьми, были единственными, которые уцелели в этой деревне. Грабители, надругавшись, оставили женщину живой. Детей они просто не заметили, что спасло их жизни.

Гури и Барвин решил временно отклониться от их курса путешествия, отправлялись в лес, где хотели обустроить временное жилище для восстановления сил женщины, которая серьезно пострадала от рук насильников. В деревне оставаться было опасно. Грабители могли вернуться обратно.

Торопливо они направились к новой цели их путешествия. От леса их разделяла опушка, усеянная цветами и неспелой зеленой ягодой неизвестных растений. Деревня осталась позади, обьятая огнем и дымом. Тяжелые и неизгладимые впечатления произвело на всех это место.

Южные леса.

Избушка.

Как и Барвин Рагма (женщина из селения) с детьми увидела колышающуюся лазурь далекого неба из другого мира, который стал для нее новым маяком в бушующей жизни. Неожданное нападение разбойников на деревню вывело женщину из состояния мирного счастья, которым она наслаждалась несколько лет. После чего ее душа погрузилась в пучину шторма: все было разрушено.

– Ты в порядке? – сочувственно спросил Гури, заходя в маленькую хижину.

Здесь практически не было ничего кроме пары деревянных лавок. Пахло свежим деревом и смолой. Небольшое окно было призвано, скорее, не освещать комнату, а просто давать просвет в общем, полумраке. Женщина сидела, полусидя на лавке, задумчивые черные глаза были влажными от навернувшихся слез.

– Ты опять переживаешь? – вновь спросил ее мужчина, не получив ответа на предыдущий вопрос.

Его лицо выглядело озабоченным и серьезным. Он догадывался о состоянии Рагмы, в котором она находилось. Только боль и пустота в сердце. Путешественник присел рядом с ней, на лавке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.